

СУДЬБА ХАРСОНО

Л. ДЕМИН

ДЕРЕВУШКА, в которой жила семья героя нашего рассказа Харсоно, растянулась вдоль низменного берега реки Брантас, что у города Моджокерто растекается на два полноводных рукава — Кали-Мас и Поронг, впадающих в Мадурский пролив. Как и по всей Яве, видишь здесь скученность неопишуемую. Нигде не встретишь даже клочка необработанной земли. Долины расчленены и разрезаны межами-дамбами на крохотные наделы. Рисовые поля сменяются плантациями: чайными, каучуковыми, сахарными. К серой ленте асфальта жмутся жилища. Города, городки, кампонгидеревни сливаются в сплошную многокилометровую улицу. Такова щедрая и нищая Ява.

Дед Харсоно хотя и не был богачем, но и бедняком его никто не считал. Он никогда не ходил на поклон к старосте — лураку или китайцу-лавочнику, промышленявшим ростовщичеством, чтобы взять в долг до нового урожая под высокие проценты мешок риса. У деда было около гектара хорошей земли, пара буйволов, участок папайи. Разве этого недостаточно в плодородной долине Брантас для скромной жизни крестьянской семьи?

Своего деда Харсоно почти не помнил. Тяжелый крестьянский труд рано состарил и сгорбил его. И никто из односельчан уже не сумеет указать могилу деда на старом мусульманском кладбище, поросшем белыми магнолиями. Простые люди ставят над прахом своих близких лишь небольшие вертикальные дощечки. Поди разберись теперь, чья это деревяшка, почерневшая и подгнившая от времени, затерялась в зарослях.

Когда дед стал больным и немощным, братья решили делиться. Всех братьев было шестеро. Только самые младшие, Анвар и Ридван, еще не успели жениться. Они считали себя грамотеями, так как после войны с голландцами пытались продолжать учебу в ближайшем городке, в начальной средней школе. Но дальше второго класса дело не пошло. Пришлось помогать по хозяйству семье.

Старшие братья сговорились между собой о том, чтобы исключить Анвара и Ридвана из дела отцовского наследия.

Лев Михайлович Демин (род. в 1923 году) — кандидат исторических наук, до 1970 года — собственный корреспондент газеты «Правда» в Индонезии.

— Вы же грамотей, гордость семьи. Чего вам сдалась деревня? Найдете хорошее место в городе, — говорил отец Харсоно, самый рассудительный и хитроватый из братьев. После долгих препирательств и споров было решено, что Анвар попытается поступить на службу в полицию. Быть может, парню посчастливится дослужиться когда-нибудь до сержанта. Лурах вызвался написать рекомендательное письмо к дальнему родственнику, жившему в городе и женатому на двоюродной сестре какого-то полицейского начальника. За эту любезность пришлось сделать лураку щедрое подношение.

Ридвану братья выделили небольшую сумму денег, чтобы он смог обосноваться в Сурабае и открыть собственную торговлю.

Отец Харсоно получил по разделу четверть гектара саваха — заливного рисового поля, несколько деревьев папайи и поставил рядом с отцовской хижинкой, доставшейся самому старшему из братьев, новую, поменьше. Такую же примерно долю получили три других брата. Буйволов пришлось продать. Вырученные деньги ушли на подарок лураку, на обзаведение Ридвана, а остатки — на похороны деда.

Харсоно был свидетелем частых семейных дискуссий отца с дядьями. Дискуссии были долгими, нудными, тяжелыми. Из года в год братья жаловались на нужду, выплескивали взаимные обиды, попрекали друг друга.

— Твоя земля лучше нашей. А каждый из нас получил четверть. Где справедливость?

— Делили по жребью. Не надо было про- давать буйволов.

— Анвар — парень с головой. Достиг бы своего и без этого письма кровососа-лураха.

— Что мы знаем об Анваре?

Действительно о его судьбе братья ничего не знали. Может, он и сумел стать полицейским или проявить себя на каком-нибудь другом поприще, а может, не достиг ничего. Зато Ридван иногда навещался в деревню. Он гостил по очереди у каждого из братьев, наедался рисовой похлебки и печеных бананов, как будто выдерживал до этого длительную голодовку в знак протеста против вопиющей несправедливости судьбы, не уготовившей ему стезю преуспевающего бизнесмена. Братья роптали на прозорливого Ридвана, но терпели его и даже давали кое-какие гостинцы для племянников. Брат все-таки. Этому и вовсе несладко живется.

Ридван был бойким на язык, притким малым, но всего лишь лоточником на рынке. Он торговал всякой мелочью: метелками, циновками, спичками, пуговицами. Женился на прислуге, работавшей за гроши у мелкого чиновника и рожавшей каждый год.

Кроме торговли своим нехитрым товаром, Ридван философствовал и изрекал мудрые мысли. Все-таки два класса начальной средней школы давали ему некоторое основание чувствовать свое превосходство над деревенскими родичами. Когда братья возвращались с поля и собирались вместе, Ридван начинал свои рассуждения:

— Деревня подобна сосуду с водой, как варивал мой школьный учитель. Вы бросаете в этот сосуд соль. Она растворяется. Вы продолжаете ее бросать. И вот наступает момент, когда соль уж не может больше растворяться. Вода перенасыщается. Вот так и деревня перенасыщается людьми по мере того, как вы плодитесь. Наступает время, когда ваша земля уже не может всех вас прокормить. Голодная деревня выбрасывает людей в город. Я и Анвар были первыми, но не последними в нашей семье. За нами последуют другие, может быть, кто-нибудь из вас, братья, может быть, ты, мой племянник, Харсоно.

— Как-нибудь выкрутимся, — без большой уверенности говорил отец Харсоно

— Выкрутитесь, если всерьез потрясете богатея.

Братья опасливо озирались по сторонам — нет ли невольного свидетеля их разговора. У старого лураха везде свои наушники. Но сами были давно убеждены, что неплохо бы потрясти богатея: старосту-лураха, его родственника Сантосо, возглавляющего местное отделение мусульманской партии, деревенского имама. На эту тройцу трудятся не разгибая спины бедняки, безземельные арендаторы. У одного лишь лураха около сорока гектаров лучшей земли на берегу реки Брантас. Все его сыновья получили образование и хорошо пристроились в городе. Один — офицер, второй — чиновник какого-то департамента, третий держит нотариальную контору. Но и этих сорока гектаров старому лураха мало. Многие бедняки заложили ему свои наделы и сейчас никак не выпутаются из долгов. Недаром же братья да и все односельчане называют лураха «линтах», то есть пиявка, кровосос. На вид это благообразный седой старик в черной бархатной шапочке — пичи. Обычно он сидит на открытой веранде своего дома в удобном ратановом¹ кресле. У лураха добротный кирпичный дом под черепицей, резко выделяющийся среди деревенских хижин. На стене веранды на видном месте — портрет президента и арабская вязь изречений из корана, окантованных под стеклом. Перед лурахом на низеньком круглом столике резной поставец с раскрытым кораном. Впрочем, хозяина больше интересуют дела мирские. Он просматривает свежие газеты, прихлебывая из стакана душистый чай. Покончив с газетными новостями, старик настраивает японский транзисторный приемник, подарок сына-нотариуса, и блаженно слушает музыку, полужакрыв глаза и покачиваясь в такт бравурным звукам. Приходит с докладом молодой секретарь, заправляющий всеми текущими делами в деревенском правле-

нии, и терпеливо ждет разрешения присесть. Докладывает вкрадчиво, почтительно, употребляя старинный уничижительный яванский жаргон, на котором обращается нижестоящий в феодальной иерархии к вышестоящему. Лурах доволен секретарем: исполнительен и главное — свой человек. Зять, не кто-нибудь. Муж его младшей дочери и сын местного имама. Что ж, придет время, он по праву займет место старого тестя.

Не раз Харсоно наблюдал, притаившись за деревом у ограды лураха, как его отец или кто-то из дядей подымался не без робости по ступеням на веранду.

— Пусть бапак² разрешит обеспокоить его...

Лурах устало подымает седую голову в бархатной шапочке, с грустной усмешкой кивает, приглашая присесть.

— Как здоровье, мас? Как семья, как дети?

Старик почти никогда не выслушивает посетителя. Он наперед знает, зачем к нему пришел отец Харсоно или кто-нибудь другой, о чем может просить его бедняк-крестьянин. Всеведущий лурах всегда знает, чем живет его деса³.

— Да, мас, это очень печально. Только четверть гектара и такая большая семья... До урожая еще далеко. Ты правильно сделал, что пришел ко мне, к твоему старому бапаку. Разве все мы не одна семья, связанная исламом? Разве не наш общий долг — помогать друг другу?

Для пущей убедительности лурах кладет костлявую ладонь на поставец с кораном. Он умеет говорить и приветливо, и в то же время строго-назидательно.

— Я сумел накопить кое-что на старость лет и всегда рад поделиться с ближним. Все об этом знают. Ты не сумел разбогатеть, зато молод и здоров, с тобой сыновья. И я, больно и одинокий старик, завидую тебе. Я дам тебе риса до нового урожая. Ты вернешь долг с процентом, как это полагается, и поможешь мне по хозяйству. Поможешь старому одинокому бапаку, у которого нет в доме помощников. Вспахешь мое соевое поле. И пусть твой сын Харсоно присмотрит за моими буйволами.

Крестьянин уходит, проклиная старого бапака. Но что поделаешь, если в доме не осталось ни одной меры риса? Хорошо, что еще дело не дошло, как у других бедняков, до заклада земли. Уже немало односельчан превратились в нищих арендаторов. Скорее бы объявили об этой самой реформе, о которой давно ползут по деревне слухи!.. Будет же когда-нибудь справедливое распределение земли. И тогда потрясут и старому лураха, и господина Сантосо, и имама, оставят им на общих основаниях установленную норму, а остальное поделят между бедняками.

— Хотя бы гектар получить, — с надеждой говорил каждый из братьев.

Реформа, реформа, реформа!

Долгожданная спасительная реформа грянула, охватив всю деревню. Крестьяне собирались толпами на базарной площади, перед мечетью. Грамотные читали вслух газету. Харсоно, повзрослевший подросток, тоже читал газетные передовицы и вместе с другими восхищался мудростью бапака президента, подписавшего такой справедливый закон. Он ходил в сельскую народную школу и на этом закончил свое обра-

¹ Ратан — гибкое растение типа лианы, употребляется для изготовления плетеной мебели.

² Бапак — отец, обращение к старшему по возрасту и по положению.

³ Деса — деревня, деревенская община.

зование. У отца не было денег, чтобы учить сына дальше. Харсоно, как и взрослые, понимал, что реформа — это изъятие излишков у кулаков и помещиков. Излишки по праву получают такие, как его отец и дядя. Чьи излишки? Конечно, старого дураха и его родни.

Волнение охватило богатеев. Дурах не выходил теперь на веранду и отсиживался где-то во внутренних комнатах. Словообильный и суетливый толстяк Сантосо собрал экстренное заседание партийной организации. Для этого у него были свои серьезные причины.

Большинство жителей деревни считало себя членами мусульманской партии и не потому, что членство это приносило какую-нибудь ощутимую практическую пользу. Скорее оно считалось по укоренившейся традиции признаком хорошего тона, своего рода визитной карточкой благонадежности. Сам старый дурах, и имам, и вся их родня принадлежали к мусульманской партии и даже составляли ее местное руководство. А ссориться с деревенской верхушкой никто не хотел. Существовала в деревне еще и секция одной из левых партий. Возглавлял ее инвалид войны — почтальон, в прошлом сержант и участник боев с голландскими интервентами. В боях за Сурабаю ему оторвало ногу, и теперь почтальон был вынужден пользоваться самодельной деревяшкой. Его помощником был молодой учитель. Вокруг них сплотилось около двух десятков крестьян. Все в деревне смотрели на них как на белых ворон или чудаков. Дурах и другие богатеев не упускали возможности бросить по адресу левых несколько желчных словечек: смутьяны, богоотступники, экстремисты. Но теперь односельчане обступали хромого почтальона и учителя и просили их еще и еще раз прочитать про реформу.

— Не обольщайтесь. Такая реформа — не лучшее разрешение проблемы, не наилучший способ помочь вам. Излишки богачей не достанутся вам даром. Вы будете платить большой выкуп за землю. Но и эта половинчатая реформа наверняка встретит сопротивление крупных землевладельцев. От вас самих, от вашей настойчивости и сплоченности во многом зависит, останется ли закон об аграрной реформе только бумажкой. Наша партия призывает всех крестьян активно требовать немедленного перераспределения земли. А что думает на этот счет мас Сантосо? Если верить его словам, то его партия только о том и думает, чтобы отстаивать ваши интересы. Пусть теперь он подтвердит свои слова делом.

Выслушав речь почтальона, крестьяне направились к дому Сантосо за разъяснением. Что думает мас насчет аграрной реформы? Что должны делать они, члены мусульманской партии, чтобы скорее получить обещанные излишки богачей?

Поскольку дело приняло подобный оборот, Сантосо не мог больше отмалчиваться и созвал заседание. Говорил цветисто и пылко. Да, друзья, разве этот справедливый декрет не свидетельствует о мудрости государственных руководителей, помнящих о ваших надеждах и чаяниях? Но нельзя забывать и о том, что реформа эта — особый эксперимент, какого еще никогда не было в истории страны. Поэтому требуется время и терпение. Терпение и время. Лучше переждать годик, другой, чем создавать почву для лишних обид и склок. Не так ли? Правительство попытается осуществить пробный опыт

в одном из районов, изучит реальные результаты, придет к правильному выводу — подходит ли этот опыт к другим местностям. Конечно, партия отдает себе отчет, как нелегка жизнь яванского крестьянина. Нередко приходится слышать, что во всем виноваты богатые землевладельцы. Так ли это? Не руководит ли этими недовольными простая человеческая зависть к чужому богатству? Разве он, Сантосо, или бапак дурах отказываются помочь нуждающемуся? Конечно, долг полагается возвращать. Ведь и состоятельным людям даром ничего не дается. В этом ли все зло? Не виноваты ли в бедствиях крестьян корыстные чужестранцы, скупающие по дешевке продукты вашего урожая? Ненасытные пиявки, люди чужой веры, злоупотребляющие нашим терпением...

Сантосо искусно повернул разговор в иное русло и обратил весь свой гневный пафос против китайских ростовщиков, торговцев, перекупщиков, а конкретно — против местного лавочника Тана. Действительно, господин Тан скупал у крестьян рис и сахарный тростник, иногда еще на корню, и перепродавал потом с немалой для себя выгодой крупному городскому перекупщику. Тот в свою очередь, также с немалой выгодой, перепродавал тростник на сахарный завод, а рис — своим постоянным агентам — сурабайским лавочникам. Таким образом, за счет крестьянского труда наживалась многоступенчатая иерархия дельцов-китайцев, и господин Тан был ее низшей ступенью. Сантосо пока не посвящая крестьян в причины личной антипатии к китайцам, своим конкурентам. Он и другие сельские богатеев мечтали сколотить свой кулацкий сбытовой кооператив, чтобы, минуя Тана и городского перекупщика, самим скупать у крестьян рис и сахарный тростник.

Речь Сантосо возымела действие. Убедить крестьян в той простой истине, что лавочник Тан — действительно пиявка, спекулянт и эксплуататор, было не так уж трудно. Ватага парней, среди которых был и Харсоно, спешно вооружилась камнями и палками и двинулась к лавке.

Тучный Тан, как всегда, с безразличным видом восседал за прилавком. Узкие щелки его глаз терялись в складках заплывшего жиром лица, густо забрызганного старческими веснушками. Монументальный лавочник напоминал позеленевшую от времени и засиженную мухами фигурку Будды из домашнего алтаря. Сыновья лавочника возились с товаром.

Однако флегматичность и безразличие господина Тана ко всему окружающему были только внешними. Услышав приближающиеся воинственные выкрики, он моментально сообразил, чем это ему грозит, и тонким отрывистым голосом отдал распоряжение двум сыновьям. За какими-нибудь несколько минут семейство Тан ухитрилось спрятать товары, выставленные на лотке перед лавкой, и надежно забаррикадироваться. Это был тщательно отработанный, поражающий завидной ловкостью и слаженностью номер. Номер на уровне хороших цирковых манипуляторов. Когда парни приблизились к лавке, перед ними вместо прилавка был плотный ряд толстых досок, задвинутых в пазы и перекрытых изнутри железным засовом с замком. Теперь Таны могли отсиживаться в своей лавке-крепости и терпеливо ждать, пока накалившиеся страсти не поостынут сами собой и жизнь деревенская не войдет

в обычную колею. На помощь полиции господин Тан в таком случае не очень-то полагался. Облеченные властью бапаки руководствуются заповедью: «Нет худа без добра». Если людские страсти достигли критической точки кипения, пусть горлопаны и смутьяны обрушатся на кого-нибудь «камбинг хитам» — козла отпущения. Китайский лавочник подойдет для такой роли во всех случаях жизни. Для людских страстей, как для перегретого пара, нужен выхлопной клапан.

Парни обрушились на стены лавки градом камней, сорвали вывеску. Пробивать прочные доски тараном не решились.

Приковылял на деревяшке деревенский почтальон.

— Чего вы добываетесь, ребята?

— Тан — пиявка, эксплуататор! — задорно крикнул в ответ Харсоно.

— Разве один Тан? Прикроет он свою лавку, и вместо него станет скупать по дешевке ваш урожай тот же Сантосо. Что-нибудь изменится? Что ты скажешь на это, Харсоно?

Что мог сказать на это Харсоно? И Сантосо говорил убедительно, и почтальон. Поди разберись, кто из них прав. Харсоно забросил в кусты палку и отправился домой. За ним разбрелись и остальные. Их воинственный пыл уже повывиснул.

Тан еще несколько дней отсиживался за прочным засовом. Деревня жила впечатлением последних событий и как-то не обратила особого внимания на приезд из города сына лураха, франтоватого нотариуса. Мало ли кто заезжает к старику? Нотариус приехал с пузатым портфелем, набитым какими-то бумагами. В доме лураха сразу стало оживленно. Собрались Сантосо, имам со всей родней, о чем-то спорали, горячились, раскладывали на столе какие-то чертежи, подписывали какие-то бумаги. Нотариус скреплял бумаги своей именной печатью.

Крестьяне заподозрили что-то недоброе, когда сын лураха уехал в изящном маленьком «Фиате». Старый лураха вновь вышел на веранду и слушал транзисторный приемник. Богатеи не казались больше озабоченными.

Сантосо вновь собрал заседание и говорил пространно и витиевато. Всех волнует судьба земельной реформы. Что ж, давайте потолкуем о реформе. Дело это, конечно, справедливое и хорошее. Никто против этого не спорит. Но реформа касается всей Индонезии, а не одной Явы. Везде приходится учитывать местные специфические условия. Ява отличается перенаселенностью, земельным голодом. Что, собственно говоря, делить? Где, у кого эти пресловутые излишки? Вы назовете состоятельных людей, например бапака лураха. Только что бапак оформил нотариальным актом раздел земли между сыновьями. Что ж из того, что они не живут с отцом? Пусть кто-нибудь назовет такой закон, который запрещал бы отцу делить землю между детьми. Так же поступили и другие богатые люди, воспользовавшись своим правом. Разве они сделали что-нибудь противозаконное? Вот и получается, что у них в деревне никаких земельных излишков нет.

— Для кого же тогда принят закон? — послышался чей-то возмущенный голос.

— Как для кого, мас? Для тебя. Для всех, — невозмутимо ответил Сантосо. — Если ты согласен переселиться на Калимантан, можешь рас-

считывать получить там надел, предусмотренный новым законом.

— Какой надел? Джунгли, болото...

— Да, джунгли, болото Трудись, не покладая рук. И твоя земля принесет щедрый урожай.

Так вот зачем приезжал нотариус! Чтобы помочь отцу, Сантосо и другим кулакам обделать этот ловкий трюк с землей!

Ридван, приехавший погостить к братьям, сказал по этому поводу:

— Бапак лурах и его друзья напоминают обычных карточных шулеров. Водятся на нашем базаре такие. Все их искусство в ловкости рук, в умении вовремя подсунуть крапленую карту. Наблюдательный человек разгадает уловку и схватит шулера за руку; а простак позволит себя ловко одурачить.

— Но ведь все делалось по закону, — возразили братья.

— Такие бапаки всегда истолкнут закон по своему.

Мало-помалу о реформе, о переделе земли перестали говорить. Мало ли всяких несбыточных планов и проектов предлагал президент? Все осталось по-прежнему. Жизнь бедняков становилась все тяжелее, особенно после того, как деревня пострадала от стихийного бедствия.

Кулацкая верхушка ухитрилась извлечь небольшую выгоду даже из злого каприза природы. Богачи, припрятавшие в амбарах большие запасы риса, стали продавать его по спекулятивным ценам или ссужать под высокие проценты. Голодающие бедняки, лишившиеся последнего, готовы были на все, лишь бы добыть немного риса. После наводнения началось массовое бегство крестьян в город. Одни не имели возможности засеять свой участок — семенной рис давно был съеден, другие лишились наделов, заложив их кулакам, третьи, давно не имевшие собственной земли, не могли больше мириться с кабальными условиями аренды. Так покинул деревню сперва один, а потом другой дядя Харсоно. Его отец еще кое-как держался, батрача у лураха. Кормить большую семью становилось все труднее. Не раз отец заводил с сыном разговор:

— Отправлялся бы ты в город, Харсоно.

Я уверен, что дядя твой, Анвар, большим человеком стал. Небось стесняется деревенских родичей. Оттого и не дает о себе знать. У Ридвана не бог весть какая торговля, а все же собственное дело. На первых порах он тебе поможет. А что тебя ждет здесь, в деревне? Отец твой почти нищий. А всех вас у меня пятеро.

Харсоно, ставший совсем взрослым парнем, согласился с доводами отца. Он теперь постоянно пасет буйволов лураха за один лишь харч вместе со слугами. Давно бы ушел Харсоно в большой город, да удерживает его привязанность к Фариде, гибкой большеглазой девушке, его ровеснице. Фариде — дочь многодетного безземельного арендатора. Ей нравится сильный, плечистый парень. Когда Харсоно, взобравшись на широкую спину вожака, гонит все стадо к реке, Фариде как будто невзначай встречается его на берегу.

— А, это ты, Харсоно? Что нового?

— Все хорошо. Обожди меня, Фариде. Поболтаем.

Харсоно загоняет буйволов в воду и, искупавшись сам, оставляет животных в реке, выходит на берег и садится рядом с девушкой. Он рассказывает ей то, что слышал когда-то от школь-

ного учителя. Давно, давно подымались вверх по реке Брангас морские корабли с товарами. Недалеке от теперешнего города Моджокерто была столица царства Маджапахит. Его могущественные махараджи не признавали власти никаких чужеземцев, а сами завоевывали соседние страны. Еще и сейчас возле деревни Тровулан можно встретить древние каменные сооружения.

Фарида машинально слушает и думает о своем. Не раз предлагал ей Харсоно уйти вместе с ним в город. Может быть, им посчастливилось бы, Харсоно — славный парень. Правда, нет у них никакого богатства, даже праздничного платья. Разве испугает их тяжелая работа? Разве не с ними молодость и крепкие руки?

Но отец имеет на Фариду свои виды. Ей не дает прохода новый лавочник, младший брат Сантосо. Он купил лавку с остатками товаров у старика Тана, покинувшего наконец-таки деревню. Всякий раз, когда девушке приходится покупать спички или соль, Сантосо-младший предлагает ей несколько дешевых леденцов или горсть прошлогодних орехов. Если же поблизости никого нет, лавочник, трусливо озираясь по сторонам, норовит облапать девушку, похлопать ее жирной липкой ладонью по щекам.

У лавочника жена, дети. Жена, костлявая, с продолговатым лошадиным лицом, значительно старше мужа. Она какая-то дальняя родственница супруги лураха. Все знают, что Сантосо женился из-за приданого. Отец Фарида все еще надеется, что лавочник по-хорошему сделает его дочери предложение. Ведь мусульманский адат⁴ не запрещает жениться вторично. Но Сантосо-младший цинично откровенен:

— Я современный человек и не хотел бы официально брать вторую жену. Времена меняются. Сейчас многие не одобряют многоженства. Да и в форме ли дело? Я бы взял твою дочь, старик, в качестве служанки. Она подсобит мне в лавке, станет второй хозяйкой в доме. Если ты согласен, я немного помогу твоей семье.

— Что делать, что делать... — растерянно отвечает старый бедняк. — Не по адату твоя зятя, мас Сантосо.

— Новые времена, новый адат. Впрочем, как хочешь. Любая нищая девка сочтет за честь...

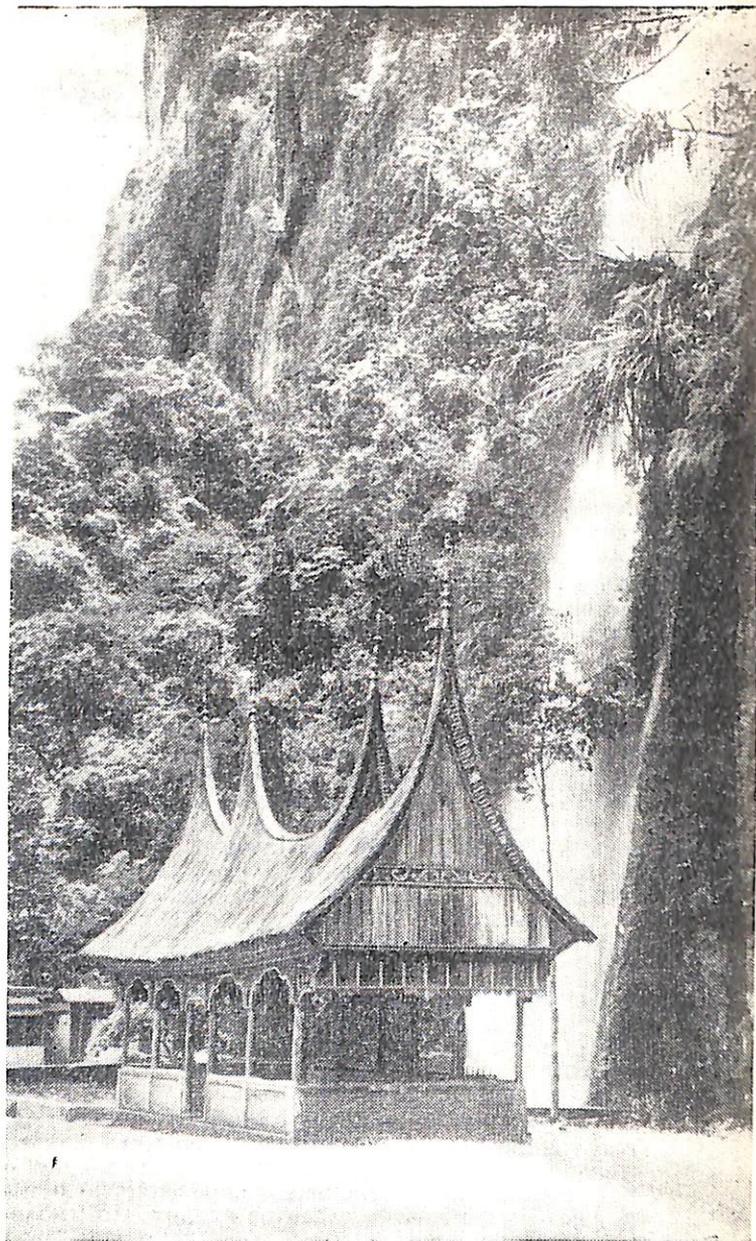
Фарида как-то решила рассказать Харсоно о предложении лавочника, о колебаниях отца.

— Я бы ушла с тобой, Харсоно, хоть на край света, если бы не возражал отец. Не знаю, что у него на уме.

У Харсоно инстинктивно сжимались кулаки. Он давно посчитался бы с этим наглецом-лавочником, если бы все его родичи не были в постоянном долгу у семьи Сантосо.

И вот однажды на том же самом обрывистом берегу Фарида сбивчивым шепотом, глотая слезы, поведала Харсоно о своих горестях. Отец дал согласие лавочнику. Он долго молился и просил у аллаха прощения. Нет, она не осуждает старика. Во всем виновата проклятая бедность. Отец так и сказал дочери, что теперь только она и мас Сантосо спасут семью от нищенства. Видно, так угодно богу. Пусть она во всем слушается хозяина. Он добрый человек. Он согласился простить семье все старые долги, даже дает два мешка риса и берется подновить их хижину. И вот завтра она должна войти в дом лавочника...

⁴ Адат — мусульманское обычное право.

Индонезия. Водопад в западной части острова Суматра.

Фото ТАСС

Рука Фарида легла на плечо Харсоно. Она прижалась мокрой от слез щекой к его локтю.

Харсоно резко, почти грубо отстранил ее. Иди своей дорогой, Фарида, раз все так случилось. Завтра ты войдешь в дом маса Сантосо и уже не посмеешь отстранить его жирные, липкие руки. Ведь ты теперь его собственность. Дешево же тебя продали, Фарида. Дешевле пары буйволов.

Утром Харсоно распрощался с семьей и покинул деревню. Он упросил плотогонов, сплавлявших вниз по реке бамбуковые жерди, взять его с собой. Старший плотогон оглядел мускулистого парня и сказал:

— Ладно, будешь помогать нам.

(Окончание следует)